

Мой дед Кукурузкин Максим Никитьевич 1920 года рождения (по линии матери) участник Великой Отечественной войны. Его отец имел хороший дом в селе Натырбово, Кошехабьльского района, он был по профессии плотник. Детей в семье было пятеро: Паша, Григорий, Мотя, Агафья, Максим. Мать Татьяна Акимовна (Байракина) воспитала в Вере своих детей. Она считала, что Христианство есть прежде всего религия любви и свободы, а не справедливости и закономерности. А характер есть победа над рабством самому себе, которая делает возможной и победу над рабством окружающему миру. Она проводила на фронт в 1941 году своих сыновей : Георгия и Максима. В трудные голодные годы оккупации Краснодарского края сумела сохранить жизнь своих дочерей.

Среди людей, живущих под солнцем, нет ни одного, кому не нашлось бы о чём попросить во исполнении чуда и кто не ждал бы страстного этого чуда. А истина для всех нас заключается в том, что мы сами есть чудо, что появились на свет в результате чуда и что созданы мы для чудес. Тот, кто удостоился увидеть хотя бы одно чудо в своей

жизни, мог убедиться, что оно – как возвращение на родину (нет ни чего более умиротворяющего для души человека). Вера в Бога, в Чудо, молитвы Татьяны Акимовны помогли пройти круги ада Григорию и Максиму, вернуться домой.) При обороне Харького красноармеец стрелок - Григорий Никитьевич Кукурузкин, (1914 года рождения), попал в плен 7 октября 1941 года. Освобождён из плена в Норвегии в сентябре 1945 года, донесение об освобождении № 134055 дата 12.09.1945 г. Штаб Приволжского Военного округа. Младший Максим Никитьевич сапёр, получил ранение в голову и ногу, а затем попал в плен и находился в концентрационном лагере в Германии. Он рассказывал: «Накануне наступления нашему сапёрному взводу поручили ночью отправиться в инженерную разведку, чтобы добыть образцы мин, установленных на линии немецкой обороны. Из взвода нас отобрали на задание несколько человек. Ночью в темноте мы незаметно подползли к минному полю. Вовремя работы под носом у противника нас, сапёров, постоянно подстерегала двойная опасность - сам противник с его миномётами, и пулемётами, и его упрятанные в землю «гостинцы». После долгого лежания на снегу в маскировочных костюмах, мы стали руками обследовать снежную поверхность. И вот они торчащие из земли проволочные усы. Это они мины «шпринг – минен» противопехотные прыгающие. Мина подпрыгивает и взрывается, на высоте человеческого роста разбрасывая смертоносные металлические шарики, около, триста штук. Из снега торчали усики. Главное не задеть думал я. На расстоянии двух, трёх метров я обнаружил вбитых два колышка и проволочные оттяжки, идущие к взрывателю. Стараясь не задеть усы, я аккуратно перерезал одну за тем другую растяжки. Теперь можно отходить к окопам. Половина работы была сделана, опытный образец добыт. В эту ночь сапёры нашего взвода добыли четыре противопехотных образца «шпринг – минен».

Условия содержания военнопленных Женевской конвенцией 1929 году. Конвенция обязывает все стороны, в том числе и тех, кто не подписал саму конвенцию, относиться к военнопленным с гуманной точке зрения. Однако жестокость во время второй мировой войны не знала пределов, и конвенция постоянно грубо нарушалась.

В апреле 1942 года в концлагерь №21 (г. Халлендорф) прибыли два эшелона с военнопленными. По приказу коменданта лагеря по

подозрению к командному и политическому руководству Красной армии было расстреляно свыше 300 человек. Личный состав лагеря был проверен зондеркомандой СД, которой были переданы «подозрительные» и неблагонадёжные. В октябре началась эпидемия сыпного тифа и дизентерии. Число погибших доходило до 100-200 человек ежедневно. «Мне в лагере было в двойне трудно. Мои раны долго не заживали. Нас немцы использовали на строительстве укрепрайонов. Врачевал мои раны подорожником и настоями, морально мне помогал мой сосед «Старина». Ему было около сорока лет, он обладал жизненным опытом. Он не раз спасал мою жизнь. Летом 1944 года наш барак построили и предложили выйти каменщикам. «Старина» не заметно ударил меня локтем и сам вышел. Я не был каменщиком, но оставаться без друга мне было не с руки. Я тоже сделал шаг вперёд. Группу в количестве 200 человек перевезли в Дрездон. Что я буду делать, я ведь не каменщик? Смотри, как другие делают, запоминай, ты молодой у тебя всё получится, ответил мне «Старина»».

Дрездон город не маленький. В 1945 году Дрездон был практически - город музей, особенно центр города. «В Дрездоне нас заставляли восстанавливать мостовые, повреждения в домах и замках, я научился печному делу» В 22. 09. 13 февраля 1945 года англо-американцы начали бомбёжку. Город был превращён в море огня. Атака продолжалась 24 минуты. Шторм начался, когда сотни меньших пожаров соединились в один, громадный, гигантские массы воздуха всасывались в образовавшуюся воронку и создавали искусственный смерч. «Тех несчастных, которых поднимали вихри, швыряло прямо в пламя горящих улиц. Те, кто прятался под землёй, задыхаясь от не достатка кислорода, вытянутого из воздуха, или умирали от жары такой силы, что плавилась человеческая плоть, и от человека оставалось мокрое пятно».

В 01.22 с зажигательными бомбами на борту начался второй рейд. Это был полный успех англо – американцев. Вторая бомбёжка предназначалась, что бы расширить огненный шторм. Те кто находился в подземельях и убежищах умирали легко: они мгновенно сгорали. Жёлто-коричневый дым поднялся в небо. Пепел покрыл тёплые руины. А бумаги и документы из опустошённого Земельного управления упали в деревне Пирна, что 18 милях от Дрездона.

14 февраля в 10.30 утра на город обрушилась последняя порция бомб. Бомбардировка длилась 38 минут. ³ Урожай смерти собрался богатый 250 тысяч жизней, отнятых за 14 часов. 1400 самолётов сбросили на город 650 тысяч зажигательных бомб. 13 февраля по всей Восточной и Центральной Германии в 22.10 в память о жертвах Дрездона звонит церковный колокол. Трезвон продолжается 20 минут - ровно столько же, сколько длилась первая атака.

«Мне повезло выжить в концлагере. В Дрездоне то же, но это был ад. Американцы нас освободили. Накормили хлебом истощённых военнопленных».